

□ ЛЮДМИЛА А. ИЛЬИНА



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
Сибирского отделения Российской академии наук



К ИССЛЕДОВАНИЮ ГЛАГОЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования основных глагольных граммем и оппозиций категории засвидетельствованности (эвиденциальности) на ранних документированных срезах двух наиболее изученных самодийских языков – ненецкого и селькупского.

Особо подчеркнута наличие в самодийских языках субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией граммем, указывающих на зрительное / не зрительное (слух, обоняние, осязание) восприятие реальных ситуаций, что является, по мнению автора, главным индикатором глубокой древности глагольной категории засвидетельствованности в этих языках. Чувственные граммемы и оппозиции, органично связанные с коммуникативными потребностями древних традиционных культур, закономерно архаизировались по мере социокультурных изменений.

И в ненецком, и в селькупском языках выявлены также глагольные граммемы и оппозиции ментально-вербальной засвидетельствованности, указывающие источники сведений: сообщение (пересказ); умозаключение (инференциальность), личная память (прошлый опыт говорящего). Особо выделена противопоставленность граммем личная память / пересказ как один из вариантов реализации центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности.

Ключевые слова

грамматизированная эвиденциальность, самодийские языки, граммемы чувственной засвидетельствованности, граммемы ментально-вербальной засвидетельствованности

TOWARDS THE STUDY OF THE VERBAL CATEGORY OF EVIDENCE IN SAMOYEDIC LANGUAGES

Abstract

In the paper there results of the basic the study of verbal grammemes and oppositions belonging to the category of Evidence in two the most documented and studied Samoyedic languages – Nenets and Selkup – are offered. There is presented a description of the main results of our study.

Here it is specially underlined a presence of sub-category of sensitive evidence with the opposition of grammemes with visual/non-visual meaning (hearing, smell, touch). In author's opinion, this is the main indicator of deeply ancient of the verbal category of evidence in these languages. Sensitive grammemes and oppositions, organically linked with communicative needs of ancient traditional cultures were regularly archaized within socio-cultural changes.

Both in Nenets and Selkup languages there are also shown up verbal grammemes and oppositions of mental and verbal evidence that indicate sources of data: report (narration); conclusion (inference), personal memory (former experience of the speaker). Opposition of grammemes of personal memory and narration is specially distinguished in the languages under question as one of the variants of realization of the central categorical opposition of direct/indirect evidence.

Key words

Grammaticalized evidence, Samoyedic languages, grammemes of the sensitive evidence, grammemes of the mental-verbal evidence.

Глагольная категория засвидетельствованности (эвиденциальности) выполняет в межиндивидуальном речевом общении особую коммуникативную функцию – указание источника информации, сообщаемой говорящим (отправителем) слушающему (адресату). Эта инвариантная (общая) категориальная грамматическая семантика засвидетельствованности вариативно выражается «элементами кода», то есть морфологическими показателями эвиденциальных глагольных форм. Взаимно противопоставленные глагольные формы засвидетельствованности выполняют синтаксическую роль сказуемого в сообщениях о реальных ситуациях. Они морфологически выражают разные эвиденциальные значения, которые указывают различные источники сведений говорящего об этих реальных ситуациях, репрезентированных в сообщениях (см.: Якобсон 1972: 95-102).

Глагольная категория засвидетельствованности есть лишь в части современных языков, локализованных преимущественно в Америке, Азии и Восточной Европе. Причем только в части из них она представлена многокомпонентной системой взаимно противопоставленных глагольных граммем с базовыми значениями, указывающими различные варианты засвидетельствованности говорящим реальных ситуаций, адекватно репрезентированных в сообщениях. Ее роль в организации и эволюции глагольных систем и в целом грамматических систем таких языков представляется не

менее значимой, чем аналогичная роль в иных типах языков категорий вида, времени и наклонения.

Имеются веские теоретические и фактологические основания, позволяющие считать засвидетельствованность одной из древнейших глагольных (или шире – предикативных) категорий, если не универсально, то для определенного языкового типа, названного известным датским лингвистом П. В. Дурст-Андерсеном в его работе «Ментальная грамматика и лингвистические супертипы» «супертипом, ориентированным на говорящего» – «*speaker-based languages*». В языках этого супертипа оппозиция глагольных граммем «прямого /косвенного восприятия» говорящим реальных ситуаций осмыслена П. В. Дурст-Андерсеном как центральная детерминирующая типобразующая глагольная категория (главный иллюстративный пример – турецкий язык) (Дурст-Андерсен 1995: 32-35). Данный супертип наиболее широко и ярко представлен среди языков Азии и Америки.

Исследование глагольной категории засвидетельствованности в самодийских языках, лингвистическая научная значимость результатов этих исследований представляется важной, поскольку эвиденциальные глагольные формы описываются в языках, обслуживавших в недавнем прошлом традиционные культуры, в которых ряд центральных коммуникативных функций глагольных форм засвидетельствованности, определявших базовые значения этих форм, имеют существенную специфику, утраченную их типологическими аналогами в языках, обслуживающих современные культуры.

Особого внимания заслуживает то, что в самодийских языках (ненецком, энецком, нгансанском и селькупском), наряду с граммемами и оппозициями типичными для категории засвидетельствованности языков Евразии, есть грамлемы и оппозиции, не выявленные в других языках Евразии, но имеющие близкие аналоги в индейских языках Северной и Южной Америки.

Наиболее яркий пример – самодийские «аудитивные формы» – носители грамлемы с базовым значением слуховой засвидетельствованности невидимой ситуации, распознаваемой свидетелем по ее акустическим признакам – услышанным звуком. Принятый в самодистике термин «аудитив» адекватно отражает именно данную семантику – указание на слуховое восприятие референтной ситуации, устанавливаемой по ее акустическим признакам. Эту семантику отражает и традиция перевода на русский язык суффиксальных показателей самодийского аудитива лексическими переводными эквивалентами 'слыхать', 'слышно', 'слышится', которые весьма условны. Суффиксальные показатели аудитивных глагольных форм в самодийских языках материально сходны и, вероятно, являются этимологически тождественными, то есть восходят к прасамодийскому языку. Их основные варианты : нен. =**wono**=/=**mono**=; энец. =**ono**=/=**mono**=; нган. =**mini**=/=**munu**=; сельк. =**kunæ**=/=**kuny**=.

На документированных хронологических срезах самодийских языков эти показатели не имеют сколько-нибудь семантически прозрачной внутренней формы. То есть они не мотивированы в документированной синхронии какими-либо знаменательными лексемами с семантикой звучания и слухового восприятия. Но в глубокой диахронической ретроспективе такая мотивированность представляется весьма

вероятной. Косвенно об этом свидетельствует то, что на ранних документированных срезах носители самодийских языков по традиции ассоциировали аудитивные глагольные формы именно с указанием на слуховое восприятие ситуации.

В северносамодийских языках – ненецком, энецком и нганасанском – аудитивные глагольные формы при абсолютно доминирующем указании на слуховое восприятие референтной ситуации употребляются и для указания на другие незрительные чувственные источники информации. Чаще – на тактильные ощущения, то есть осязание, реже – на обоняние и общие ощущения. В селькупском языке такие вторичные значения фудитивной формы не прослежены. Но это скорее всего связано с тем, что селькупский аудитив наблюдался исследователями в процессе его утраты языком. В южноселькупских диалектах этот процесс завершился еще к середине XIX в., а в северноселькупских диалектах в – 1970-е – 1980-е годы.

Примеры употребления аудитивных форм:

(1) нен.

...šib ʔiʔe xqet̪ mākkaq̪ jihšil'ė. p̪ixiñne šid'e xāšqββp tō=ββq̪nōn=q̪'i'' (AUD=3DU).

...horcht der Siebenklover-Ostjake vom Zelte aus: **man hört**, dass auf den Hof zwei Männer **gekommen sind** (Lehtisalo, 1947, s. 87)

‘Высокорослый чужеземец из чума слышит: снаружи два ненца **подъехали=слышно.**’

(2) нен.

Пихи-пихиня сидя Хунгляр **торха = ванон = ди** (AUD=3DU) (НЭ: 273).

‘Снаружи (около чума) двое Хунгляр **приехали = слышно.**’

Свидетель находится внутри чума, идентифицируя невидимую ситуацию по услышанным и узнанным голосам.

(3) нен.

Тарем’ инзелёб’нани тасий яха’ нарохона хибяхава **пинда=вон=да** (AUD=3SG), тубканда марнари.

‘Так слушаю я: внизу в роще кто-то, **слышно, рубит** дерево, только топор стучит.’ (ЭПН, с.682; 691)

(4) сельк.

(JomBa) ukk̪r | onDōq̪t̪ ni| ik ynD̪ññit̪: qur tap **pa| it̪=kunæ**. (AUD=3SG).

‘(Йомпа –герой мифов) вдруг так слышит: человек это **рубит (слыхать).**’ (Прокофьев, 1935, с.104)

(5) сельк.

kotañ syn| om̪t̪ qaj kos **karnim̪r̪ = kun**/. (AUD=3SG)

‘Мешка (моего) по нутру что-то **ворощится = слышно.**’ (Прокофьев 1937: 109)

(6) энец.

Мезо” тахан тыа” **дязо = бну = зу** (AUD=3PL) (Терещенко 1973: 145)

‘За чумом олени **ходят = слышно.**’

(7) нган.

Кэнтэ мазэ кадя **нэнсу = мыны = чи** (AUD=3SG). (Терещенко 1979: 221)

‘Нарта около чума **остановилась=слышно**’.

(8) нган.

Матэну хихиэ колы **нелуай=мўнў=чў** (AUD=3SG).

‘В чуме вареной рыбой вкусно **пахнет=слыхать**.’ (Терещенко, 1979: 221)

(9) нган.

Дўтўтэ **дяри=мини=чи** (AUD=3SG).

‘Рука у меня болит (букв.: рука-моя **болит=слыхать**)’. (Терещенко, 1979: 221)

Выполняя роль сказуемого в подобных предложениях аудитивные формы отчетливо выделяют класс невидимых, но чувственно воспринятых на слух (реже – посредством осязания и обоняния) реальных ситуаций и, главное, противопоставляют их зрительно воспринятым реальным ситуациям, которые обозначаются другими эвиденциальными формами – формами прямого наблюдения с показателями: в селькупском языке =η=, в ненецком – =Ø=. Поэтому в парадигме категории засвидетельствованности самодийских языков мы выделяем субкатегорию чувственной засвидетельствованности с оппозицией граммем, указывающих на зрительное либо не зрительное (слух, обоняние, осязание) восприятие реальных ситуаций, репрезентируемых в сообщениях. Данная оппозиция есть не что иное как сохранившийся в самодийских языках с глубокой древности генетически первичный вариант оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности.

В других языках Евразии, имеющих категорию эвиденциальности, даже в близкородственных самодийским и длительно контактирующих с ними обско-угорских языках, оппозиции граммем чувственной засвидетельствованности не обнаружено.

Однако отметим, что при сопоставительном исследовании глагольной категории эвиденциальности самодийских и юкагирских языков мы обнаружили в текстах архаичного юкагирского фольклора, сохранившихся преимущественно устной языковой традицией колымских юкагиров и записанных у них В. И. Иохельсоном в конце XIX в. (Иохельсон, 1900), грамматикализованную аналитическую глагольную (бивербальную) конструкцию, в которой вспомогательным компонентом служит лексически десемантизированный глагол слухового восприятия с основой **моді= (мэді=)** ‘слышать’, ‘быть слышным’ (Ильина, 2016: 26-28). Эта грамматикализованная аналитическая глагольная конструкция выполняет синтаксическую роль конечного сказуемого эвиденциальных высказываний и обычно указывает на чувственную засвидетельствованность невидимой или неотчетливо видимой (издалека, смутно и т. п.) реальной ситуации, идентифицируемой по ее акустическим признакам – услышанным звукам и противопоставлена граммеме с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» с показателем =Ø=. Следовательно, самодийская глагольная граммема аудитива не уникальна в Евразии, ее типологический аналог имеется в юкагирском языке.

Наличие в данных языках оппозиции граммем чувственной засвидетельствованности, указывающих, что сообщаемая информация о реальных ситуациях получена говорящим на основании данных органов чувств: зрения / слуха, обоняния, осязания, внутренних ощущений является, по нашему мнению, главным индикатором глубокой древности глагольной категории засвидетельствованности в этих языках.

Очевидно, что грамматикализация перцептивных и сенсорных значений в системе глагольных грамматических оппозиций является исключительно древней в диахронии и архаичной в современной синхронии типологической чертой.

В данной связи обращает на себя внимание высокая нагруженность и коммуникативная значимость аудитивной формы в древней сфере сакрального общения самодийцев и юкагиров, особенно в шаманских песнопениях. Проанализированные нами документированные Т. Лехтисало в XIX в. (Лехтисало 1947: 469-546) ненецкие тексты шаманских песнопений [см.: Ильина 2017 (1), 2017 (2)] свидетельствуют, что духи-помощники шамана считались невидимыми, но чувственно воспринимаемыми на слух, по акустическим признакам их поведения. Поэтому ненецкие (и юкагирские) шаманы сообщали о контактировании со своими духами-помощниками в форме аудитивных высказываний, в которых роль сказуемого выполняла аудитивная форма глагола. Культурная сфера и деятельность шамана были высокозначимыми в традиционной культуре самодийцев и юкагиров. Поэтому высокая коммуникативная нагруженность аудитивной формы в этой сфере обусловила ее социально-коммуникативную значимость и обеспечила ее долговременную устойчивость в диахронии. Вместе с тем отметим, что изменение коммуникативных установок в традиционных сферах, а тем более редуцирование сферы сакрального общения должны с неизбежностью вести к снижению коммуникативной значимости аудитивной формы.

В субкатегории ментально-вербальной засвидетельствованности в селькупском и ненецком языках на ранних документированных срезах, представленных фольклорными текстами, прослеживается оппозиция граммем личная память / сообщение (другого лица, фольклора, сакральных и иных источников) как один из вариантов оппозиции прямой/ косвенной засвидетельствованности.

Еще Р. О. Якобсон выделил источник сведений «собственный прошлый опыт (сведения, извлекаемые из памяти)» (Якобсон, 1972: 101).

Н. А. Козинцева в своей работе «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)» также рассматривала этот источник информации и совершенно верно, на наш взгляд, отнесла его к числу значений прямой засвидетельствованности (Козинцева 1994: 92).

Подчеркнем, что глагольные граммемы памяти должны помещать сообщаемую информацию в прошлое относительно момента сообщения и могут быть примерами побочного темпорального эффекта эвиденциальных граммем.

Анализ языкового материала документированных архаичных срезов селькупского и ненецкого языков позволяет выделить эвиденциальные формы личной памяти (прошлый опыт говорящего) с показателями: в селькупском =s=, в ненецком – =ś= (=сь). Несмотря на материальное сходство, эти показатели имеют разное происхождение, сформировались в разное время и занимают разные позиции в глагольной словоформе. Тем не менее грамматическая семантика у обеих форм сходна, а ее существенные особенности дают основание считать ту и другую не индикативными формами прошедшего времени, а эвиденциальными формами прямой засвидетельствованности говорящим прошлых ситуаций. На архаичных документированных срезах селькупского и ненецкого языков семантика прошлого у обеих форм не выходила за пределы времени

жизни говорящего и в большинстве проанализированных нами примеров очерчивалась семантикой «отчетливо помню».

Показательно, что в селькупских фольклорных текстах, записанных Г. Н. Прокофьевым, показатель =s= употребляется только в сообщениях персонажей о фактах собственного прошлого опыта:

(9) сельк.

(LōZь-ира): «Uū! iZēçarğyqt qəttyt tīrğp amDæqæk qorsan oльp **poль=s=ak!**» (EVID=1SG)

‘(Чёрт-старик): «Уу! В старину целый город (досл. «города совокупность») когда я съел (досл. «в моем съедении») тесла голову **проглотил я.**’ (Прокофьев, 1935: 103)

(10) сельк.

«ukōt mat **kora=s=ak** (EVID=1SG), ti koraptæmь çæqka...»

‘Раньше **я ездил**, теперь езда моя отсутствует’. (Прокофьев, 1935: 66)

И в фольклорных текстах, и в предложениях, приводимых Г. Н. Прокофьевым в его работах, не встречается примеров выражения формой на =s= действий, происшедших за рамками темпорального плана прошлой сознательной жизни говорящего. Если план прошлого выходил за такие рамки, то использовались формы с показателями =mp= и =mmynt= с семантикой личной незасвидетельствованности ситуации говорящим, но не форма с показателем =s=. Форма с показателем =s= не могла употребляться в фольклорных зачинах. В фольклорных зачинах на архаичных срезах использовались только формы с показателями =mp= и =mmynt=:

(11) сельк.

JomBa imь|anDьsæ **ilь=mBā=qь**. (EVID=3DU)

‘Йомпа с бабушкой своей **жили.**’ (Прокофьев, 1935, с.103)

(12) сельк.

Isəcarāt **ily=mpə=tyt** (EVID=3PL) imasyqäqi.

‘Давно жили супруги.’ (Кузнецова А. И. и др., 1980: 371)

(13) сельк.

Ily=mpa (EVID=3SG) ukkyr X↓mtyl’ qok. NX↓kyr Ijaty □ppynty. **Ily=mpa** (EVID=3SG) aša kunty, ukkyr conto↓n **qu=mpa** (EVID=3SG). Ijaity ontyt p□lykX↓lyN **qaly=mpX↓=tyt** (EVID=3PL).

‘**Жил** один царь’. Три сына у него было. **Жил** недолго, наконец **умер**. Его сыновья сами одни **остались**’ (А.И. Кузнецова и др.: 36; 80).

В ненецком языке форма с показателем- =ś= (=сь), по нашим наблюдениям, также является формой прямой засвидетельствованности прошлых ситуаций с базовым значениям «личная память». Например:

(14) нен.

“Мань хър”н **манэ”нава=сь** (EVID=1SG) : сидя **хасава=Ø=сь**. (EVID=1SG)

Мякадана" пэ́дара' няю' хая=Ø=хан=зъ. (EVID=1SG) (Терещенко, 1973: 144)

'Я сама видела: двое мужчин были (видела помню).'

'От нашего чума они к лесу пошли (видела помню).'

План прошлого за пределами времени жизни говорящего был закреплен в ненецком языке (так же, как и в селькупском), главным образом, за граммемой с семантикой «личной незасвидетельствованности ситуации говорящим» с показателем в ненецком тундровом =wi=/=mi= (=вы=/=мы):

(15) нен.

jā mīdaxaŋnɔ amGērɪtɔ jəŋGū=βi (EVID=3SG). xəjɛr'' jəŋGū=βi (EVID=3SG), pⁱəbu=βi (EVID=3SG).
Zur Zeit der Erschaffung der Erde gab es nichts. Es war keine Sonne, es war dunkel
(Lehtisalo, 1947, с. 6)

'Когда земля создавалась, ничего не было. Солнца не было, темно было.'

(16) нен.

Я мидахана пухуча, вэсаку иле=вэ=хэ'. (EVID=3SG)

'Когда создавалась земля, старуха со стариком жили.' (EVID=3DU) (ФНТ: 34, 37)

(17) нен.

Лэ'мор' вэсэй пухуцянданя, нюкцянданя пыда иле=вы=Ø (EVID=3SG). (Терещенко 1947: 247)

'Пичужка старик со старухой своей, с сыном своим он жил.'

Н. М. Терещенко отмечала, что «в ненецком языке глагольное сказуемое с суффиксом =вы=/=мы=служит для выражения (неочевидного действия), т. е. такого действия, свидетелем которого сам говорящий не был и о котором сообщает с чужих слов» (Терещенко, 1973: 144).

Есть в обоих языках и глагольная граммема с семантикой инференциальности – логического вывода о ненаблюдавшейся ситуации по ее наблюдаемым явным следствиям, прежде всего – по следам, что особо важно для традиционных охотничьих культур. Ее показатели те же, что и показатели пересказа-сообщения: в селькупском =mp=, в ненецком =вы=/=мы=.

Инференциальный контекст. Ича (герой, представленный в селькупском фольклоре) спустя сутки возвращается к стойбищу, видит опустевшее место и заключает:

(18) сельк.

iga kErty=mpa=Ø (EVID=3SG) capɪtm. (Кузнецова А. И. и др. 1993, с. 14)

'Старик скочевал=как видно давно'.

(19) нен.

Хадри' сидяха' hэ=вэ=хэ' (EVID=3DU). Сыра' ниня сидя ламбита"ма хае=вэ=хэ' (EVID=3DU). Мякадана" пэ́дара' няю' нэ́кла=ха=вэ=ди' (EVID=3DU). (Терещенко, 1973: 144)

'Конечно, двое были=как видно. На снегу следы двух пар лыж оставили=как видно. От нашего чума в сторону леса (следы) протянули=их два=как видно они двое.'

Следовательно, граммема «личной незасвидетельствованности говорящим» представлена в селькупском и ненецком языках двумя основными значениями – пересказа и инференции. У формы инференциальности логический вывод базируется на признаках, оставленных осуществившейся ситуацией.

В заключение подчеркнем, что важнейшей, наиболее типологически значимой реализацией в самодийских языках ментально-грамматической доминанты, ориентированной на приоритетное выражение и преимущественную грамматикализацию впечатлений говорящего о реальности, представляется как раз самостоятельная многокомпонентная глагольная категория засвидетельствованности. На наиболее архаичных из документированных срезов ненецкого и селькупского языков, отраженных, прежде всего, записанными в XIX – первой половине XX вв. текстами традиционного фольклора, эта глагольная категория эмпирически наблюдается в своем развитом состоянии.

Литература

Дурст-Андерсен П. В. (1995). Ментальная грамматика и лингвистические супертипы, *Вопр. языкознания*, №6. с. 30-32.

Ильина Л. А. (2016). К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*, № 1. с. 20–29.

Ильина Л. А. (2017). О вероятных социокультурных детерминантах граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии языков Северной Азии. *Сибирский филологический журнал*, № 2. с. 159–172.

Ильина Л. А. (2017). О функционировании граммем косвенной засвидетельствованности в древней сфере сакрального общения в языках коренных этносов Северной Азии. *Научное обозрение Саяно-Алтая*, с. 45-51.

Иохельсон В. И. (1900). *Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*, Ч. 1. СПб.

Козинцева Н. А. (1994). Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). *Вопр. языкознания*, № 3. С. 96–104.

Кузнецова А. И. *Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.* (1980). *Очерки по селькупскому языку*. М: Изд-во МГУ.

Прокофьев Г. Н. (1935). *Селькупская (остяко-самоедская) грамматика*, Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР.

Прокофьев Г. Н. (1937). *Селькупский (остяко-самоедский) язык*, *Языки и письменность народов Севера*. Ч. I. М.–Л.: Учпедгиз, с. 91–124.

Терещенко Н. М. (1947). *Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка*. Л.: Учпедгиз.

Терещенко Н. М. (1973). *Синтаксис самодийских языков*. Л.: Наука.

Терещенко Н. М. (1979) *Нганасанский язык*, Л.: Наука.

Якобсон Р. О. (1972). *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол*, Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, С. 95–113.

Список источников

ЭПН – Куприянова З. Н. (1965). *Эпические песни ненцев*, М: Наука.

НЭ – Терещенко Н. М. (1990). *Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам*, Л: Наука.

ФНТ – (1992). *Фольклор народов Таймыра*, Вып. 2. Дудинка.

Lehtisalo T. (1947). Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki.

Список условных обозначений и сокращений

AUD – форма аудитива;

1SG – личный аффикс 1-го л. ед.ч.;

3SG – личный аффикс 3-го л. ед.ч.;

3DU– личный аффикс 3-го лица двойственного числа;

3PL – личный аффикс 3-го лица множественного числа;

знак = – морфемный шов нен. – ненецкий язык; энец. –энецкий язык; нган. –нганасанский язык; сельк. –селькупский язык.



финно-угорские и самодийские народы

Источник: finugor.ru